

Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы

Ю. А. Никифоров*

Чрез неделю после празднования очередного Дня Победы, 15 мая 2009 г., Президент России Д. А. Медведев подписал Указ о создании комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России¹. Этот Указ выражает давно назревшую необходимость борьбы с «переписыванием» отечественной истории, которое за последние два десятилетия приобрело немалый размах. Создание Комиссии не в последнюю очередь связано с непрекращающимся потоком недостоверных публикаций о Великой Отечественной войне, история которой в современной России остается одним из краеугольных камней национальной памяти. Образ войны и Победы в современной России остается символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к постоянно повторяющимся попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно происхождения Второй мировой войны, обстоятельств ее развязывания, роли и места Великой Отечественной войны («Восточного фронта») в истории XX века.

Вместе с тем, Указ имеет и более глубокий смысл: он заставляет задуматься над природой и функциями исторического знания.

Прежде всего, следует осознать, что если мы говорим о фальсификации истории, то этот разговор имеет смысл лишь в том случае, если мы считаем историю наукой, способной получить истинное знание о прошлых событиях.

Научное познание стремится к получению знания, дающего нам адекватное представление об окружающем мире. Когда химики говорят, что молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода, они убеждены, что это действительно так, и могут обосновать свои утверждения. Историки,

как и представители любой другой науки, стремятся высказывать истинные утверждения о прошлой реальности и так же способны обосновать свои утверждения. Что из того, что эта реальность недоступна непосредственному наблюдению или эксперименту? В конце концов, и астрономы судят о свойствах звезд и далеких галактик только на основе доходящего до Земли света. В распоряжении же историков имеются материальные следы прошедших эпох, вполне доступные для наблюдения и анализа.

Безусловно, существуют определенные границы при реконструкции прошлого, поскольку в распоряжении историка никогда не будет достаточного количества эмпирических свидетельств (источников), что делает неизбежной неполноту любых исторических описаний. Тем не менее, наука вырабатывает все более совершенный методологический аппарат критики исторических источников, который позволяет воссоздавать все более многогранную и объективную картину прошлого.

Разница между естественными науками и историей проявляется, главным образом, при изложении результатов научного исследования. В отличие от естествоиспытателя, констатирующего факты, формулирующего законы или описывающего некий процесс, используя общепризнанный язык своей научной дисциплины, историк описывает события, связанные, главным образом, с деятельностью людей. Поскольку человеческая деятельность интенциональна, т. е. направляется идеями, целями, желаниями, историк не может ограничиться только описанием внешней физической активности, — он вынужден стремиться понять и реконструировать мотивы, которыми руководствовались его герои. Представление о мотивах и целях оказывается неизбежно включено в установление причинно-следственных связей между событиями, и оказывает су-

* Юрий Александрович Никифоров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

щественное влияние на отбор фактов, включаемых в историческое повествование. При осуществлении этих процедур неизбежно проявляются мировоззренческие, национальные, социальные предпочтения историка, придающие его повествованию эмоциональную окраску и определенную идеологическую нагруженность. В результатах представителей естественных наук нет личности ученого: в законах классической механики нет личности Ньютона, в уравнениях электродинамики — личности Максвелла, в законах генетики — личности Менделя. Сочинения же историков всегда идеологически (в самом широком смысле) нагружены, и историк никогда не может быть полностью беспристрастным.

Осознание этого обстоятельства привело со второй половины XX в. к распространению в западной философии и методологии истории рассмотрения ее как некоей разновидности литературного творчества. С данной точки зрения, историк «творит историю», создает рассказ о прошлых событиях и может строить этот рассказ в жанре трагедии, комедии, сатиры и т. п. Этот подход к истории стал весьма распространенным в западной историографии с момента выхода в свет монографии Хейдена Уайта «Метаистория» (1973 г.). Отождествление истории с литературой снимает вопрос о фальсификации: каждый историк волен создавать свой образ прошлого, и мы не имеем права требовать от него объективности или правдоподобности.

Таким образом, вопрос стоит так: либо мы считаем историю наукой, и тогда имеет смысл говорить о фальсификации истории, либо же мы считаем историю жанром литературы — тогда ни о какой фальсификации речи быть не может. Поэтому выработка и осмысление критериев научности и объективности в историческом познании, которые позволили бы отличить добросовестные исследования от подделок, приобретают важнейшее значение. Вторым выводом, который можно сделать, касается терминологии: «фальсификация истории», «фальсификатор» — это не просто бранные слова, используемые в пылу полемики применительно к оппонентам. Это — термины, которые должны иметь достаточно определенное содержание.

Указ Президента России от 15 мая 2009 г., очевидно, исходит из того, что целью исторической науки является дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, и историки располагают необходимым инструментарием для создания его правдивого описания. Несмотря на то, что труд историка связан с необходимостью литературного изложения, нельзя абсолютизировать эту сторону исторических сочинений. В конце концов, и теорию биологической эволюции, и теорию происхождения Вселенной можно излагать как комедию или драму. Суть дела не сводится к форме изложения, важно содержание повествования. И если естествознание претендует на получение и изложение истинного знания

о мире и обладает методами получения этого знания, то и история с самого начала своего возникновения претендовала на истинное описание прошлого и выработала методы получения такого знания. История является, прежде всего, наукой, и противодействие фальсификации истории должно рассматриваться в русле той борьбы, которую ведет Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской академии наук. Организованная при Президиуме Российской академии наук в 1998 г. под председательством академика Э. П. Крулякова, комиссия разоблачает многочисленных шарлатанов, которые, пользуясь невежеством и доверчивостью государственных чиновников и населения, выкачивают средства из госбюджета и обирают людей, обещая им создание новых технологий или предлагая средства исцеления от всех болезней, — т. е., в основном, занята разоблачением лжеученых в области физики, биологии и медицины². Несомненно, способы лечения различных заболеваний и медицинские приемы, навязываемые населению с помощью средств массовой информации и недобросовестной рекламы, способны причинить здоровью людей огромный вред. Однако не менее, а возможно, и более опасны для общества шарлатаны, подвизающиеся в сфере общественных наук. Воздействие на сознание и память людей в этой сфере осуществляется не столько с корыстными целями, как это в большинстве случаев происходит в области техники и медицины, но стимулируется определенными политическими интересами. В области истории фальсификации могут преследовать цели разрушения исторической памяти, подрыва национальной идентичности, внушения таких представлений о прошлом, которые позволят тем или иным силам достигнуть определенных политических целей в настоящем.

Можно предположить, что псевдонаучные построения в области истории должны иметь ряд сходных черт с приемами фальсификации в других областях научного знания, техники и медицине. И действительно, уже в первом приближении можно заметить несколько существенных общих признаков.

Во-первых, чаще всего подобные работы написаны научно-популярным языком, а их авторы, явно или неявно ощущая слабость своих профессиональных позиций, стремятся уйти от внутрицеховой полемики и апеллируют к массовому читателю, преподнося свое сочинение как раскрытие очередной «тайны» истории. Как правило, в них сообщаются малоизвестные или вовсе неизвестные широкой публике исторические факты, что придает этим трудам необходимую респектабельность. В то же время для критики общепринятых научных концепций здесь используются не столько научные, сколько идеологические аргументы. Общим местом является негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических запретов» развитию новых актуальных и перспективных

научных направлений. Эта идея неизменно присутствует в построениях «альтернативных» историков, обещающих читателям раскрыть тайны истории, тщательно скрываемые официальной наукой, и пафосно обличающих ее мнимую неспособность предложить обществу сколько-нибудь правдивую версию национальной истории. Учитывая то, что в недавнем прошлом историческая наука действительно находилась под идеологическим надзором, подобные выпады укрепляют доверие читателей к содержанию таких работ.

Способы сокрытия правды могут представляться по-разному: А. Фоменко, например, апеллирует к заговору против «русской истории» западноевропейцев. Мурад Аджи (Аджиев) — к заговору европейцев против «тюрок-степняков», результатом которого стало целенаправленное уничтожение в течение столетий исторической памяти о великой цивилизации тюрок и их государстве Дешт-и-Кипчак. Обличая российскую академическую науку, М. Аджи утверждает, что «официальным историкам» по идеологическим причинам запрещалось в своих работах называть тюрок тюрками, поэтому они использовали эвфемизм «скифы»³. Аналогичным образом В. Суворов-Резун и его последователи обличают «коммунистических» и современных российских «казенных» историков, которые якобы «душат и топят слишком любознательных исследователей» и «скрывают от народа его собственную историю»⁴.

Характерной также является реакция этих авторов на критику в свой адрес. А. Фоменко и Г. Носовский, приводя в одной из своих книг перечень рецензий и откликов на свои работы, снабжают их краткими комментариями вроде: «доброжелательная статья, верно излагающая суть проблемы», либо же: «статья отрицательная, содержательных аргументов нет, одни эмоции, стиль развязный» и т. п.⁵. Poleмика с оппонентами по существу, таким образом, отсутствует. Между тем, критики «новой хронологии» в целом ряде работ продемонстрировали ошибочность астрономических расчетов Фоменко, на конкретных примерах анализа летописных текстов показали нелепость предложенной им методики выявления статистически зависимых текстов, уличили в невежестве по целому ряду сюжетов отечественной и мировой истории⁶. В ответ со стороны «фоменковцев» раздается: «никаких содержательных аргументов нет», «повода отвергать новую хронологию нет» и т. п. утверждения, рассчитанные, как представляется, в первую очередь на собственную паству: спокойно, мол, официальная наука ничего противопоставить нам не может.

Таким же образом реагируют на критику «резунисты». Ю. Цурганов, напечатавший в поддержку В. Суворова несколько статей в журнале «Посев», например, пишет: «В 2002 г. издательство «Вече» в Москве выпустило книгу Александра Помогайбо... Это очередная попытка опровергнуть концепцию о под-

готовке Сталина к нападению на Европу в 1941 году. Прежние попытки отличались беспомощностью. Главный аргумент критиков был идеологический — «книгой «Ледокол» Суворов оскорбил чувства ветеранов Великой Отечественной войны». Текст книги не анализировал никто, в том числе главный критик — Габриэль Городецкий. ...Суворов любит острить, но делает это талантливо, а Помогайбо — бездарно... Читать тяжело и неприятно. Второе — мелочность придинок»⁷.

Критиками Суворова была показана ущербность его аргументации, основанной на подлогах, нарушении логики и банальном невежестве⁸. Соответственно, изложенная в «Ледоколе» и «Дне М» альтернативная традиционной «версия» происхождения Второй мировой войны отвергнута как несостоятельная. В ответ популяризаторы Суворова твердят об «идеологизированности» и «мелочности придинок», настаивая, что «официальным» историкам не удалось ничего им противопоставить.

Такая позиция делает невозможной какой-либо продуктивный диалог между историками и авторами «альтернативных» концепций, поскольку основные усилия фоменковцев и резунистов направлены вовсе не на споры по существу, а на дискредитацию своих оппонентов как ангажированных «официальной идеологией» или прямо находящихся «на службе» у государства. Аргументы против их теорий представляются публике, таким образом, не просто как ложные, а как лживые и мошеннические.

Кроме того, бросается в глаза выраженное стремление переложить бремя доказательств на оппонентов. Отвечая критикам «новой хронологии», отвергающим предлагаемые А. Фоменко датировки исторических событий, его сторонники требуют от оппонентов дать развернутое описание того, каким образом получены общепринятые датировки. Со стороны резунистов также постоянно раздаются призывы к историкам доказать, что Сталин не готовил нападение на Германию: пока, мол, они этого не сделали, правота Суворова остается непоколебимой.

Как представляется, использование вышеописанных приемов — представление оппонентов некой теории людьми заведомо необъективными, сочетаемое со стремлением на них же переложить бремя доказательства, — уже является достаточным основанием для того, чтобы признать ее ненаучной. Об этом же свидетельствует то бросающееся в глаза обстоятельство, что авторы и защитники псевдонаучных концепций избегают их обсуждения в научных журналах или на научных конференциях. Они обращаются к широкой публике, которой, конечно, трудно разобраться в обрушиваемом на нее ворохе фактов, цифр, статистических данных и т. п. Поэтому эти концепции могут пользоваться широкой популярностью, раздуваемой средствами массовой информации, в то время как профессиональные историки относятся к ним с пренебрежением и иронией.

Все науки прогрессируют в процессе своего развития. Прогресс научных знаний — одно из наиболее ярких и несомненных проявлений развития человечества. С течением времени та или иная область науки дает нам все более полное и точное знание об изучаемом фрагменте реальности. Но научный прогресс означает, что всякая следующая ступень в развитии той или иной дисциплины опирается на предшествующие достижения. Научное знание увеличивается, накапливается с течением времени. Новые теории, концепции не уничтожают прежнего знания, они его перерабатывают, уточняют, устанавливают сферу его применимости и верности. Даже научные революции, связанные с кардинальным пересмотром прежних представлений, не отбрасывают достижений прошлого. Теория относительности и квантовая механика не отбросили классическую механику, а лишь показали ее ограниченный характер. Химия Лавуазье, электродинамика Максвелла, теория эволюции Дарвина — все они выросли на материале предшествующих теорий, полученных ими результатов, и ассимилировали эти результаты. Преемственность в развитии научного знания нашла выражение в известном принципе соответствия Н. Бора, получившем статус общеметодологического принципа: новая теория, гипотеза, идея должна согласоваться с фундаментальными результатами прежних теорий.

Это имеет прямое отношение к историческому знанию. Новые идеи и открытия не могут существенно изменить картину прошлого, сложившуюся в результате развития исторической науки. Если же новая историческая концепция кардинально противоречит общепринятым представлениям, она лежит вне науки. Поэтому когда автор исторического сочинения обещает нам очередной «принципиально новый» взгляд на события прошлого, можно с уверенностью сказать: перед нами — псевдонаучное мифотворчество.

В то же время термин «фальсификация» несет дополнительную смысловую нагрузку: говоря о фальсификации, мы чаще всего имеем в виду сознательный отказ от стремления к истинному описанию прошлого. Для фальсификатора главными оказываются вненаучные цели: внушение читателю каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и объективности.

Методология исторического познания указывает на большие трудности и проблемы, имеющиеся как в области установления эмпирических фактов прошлого (неполнота сохранившихся свидетельств и сложность процедур установления их достоверности), так и в области исторического синтеза (множественность способов интерпретации взаимозависимости исторических фактов, зависимость теоретических реконструкций от мировоззрения историка). Спекулирование на этих трудностях

и проблемах порождает множество возможностей для возникновения псевдонаучных теорий (фальсификации).

Во-первых, воспользовавшись неполнотой эмпирических сведений о прошлом, можно предложить некоторую общую гипотезу, объясняющую систематическое отсутствие сведений о том или ином периоде истории, а затем, опираясь на некоторые другие источники, перетолковать тот или иной отрезок истории в нужном ключе. Другая возможность заключается в переинтерпретации некоторых известных исторических сведений (переустановлении исторических фактов) и в построении на этом основании альтернативных версий объяснения тех или иных событий и процессов. Наконец, третья возможность — выдвинуть некоторую умозрительную гипотезу, на основании которой произвести перетолкование всего эмпирического исторического материала.

С точки зрения историков, придерживающихся существующей научной традиции, эти способы будут основываться на результатах некорректной работы с источниками. В первом случае производится отбор подходящих свидетельств, вместо того чтобы учитывать всю их совокупность. Во втором случае будет осуществляться искажение и подтасовка исторических фактов (будут выбираться либо недопустимые, либо менее вероятные по сравнению с общепринятыми интерпретации сведений, содержащихся в исторических источниках). В третьем случае опора на источники вообще может отсутствовать, поскольку переистолкованию будет подвергаться тот или иной отрезок истории в целом. Конечно, отдельные цитаты или факты из источников могут быть избирательно привлечены для придания убедительности новой версии или теории, но их роль будет носить исключительно иллюстративный характер. При этом, в зависимости от предмета рассмотрения, могут быть использованы различные сочетания методологических нарушений, в том числе и не упомянутых нами.

Анализ попыток «переосмысления» истории Великой Отечественной войны приводит к выводу, что чаще всего оно оказывается возможным лишь за счет игнорирования или даже демонстративного отказа от соблюдения общих принципов и методов исторического исследования, соответствующих тем критериями научности, которые выработаны сообществом историков и философов науки.

Так, в исторической науке выработаны и постоянно совершенствуются методы критики исторических свидетельств, и критическое отношение к источникам — необходимая предпосылка любого претендующего на научность исторического построения. Однако, что касается многих современных авторов, то предлагаемые ими объяснения и интерпретации основаны на использовании источников, аутентичность которых либо крайне сомнительна, либо это — прямые подлоги. В частности, это относится к так называемому тексту речи Сталина

на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г., которому некоторые авторы пытались придать статус «решающего доказательства» в пользу тезиса о советности Советского Союза в развязывании Второй мировой войны⁹. Еще один пример — внедрение в общественное сознание мифа о сотрудничестве НКВД и гестапо перед войной в целях борьбы с «мировым еврейством», осуществляемое путем публикации очевидных фальшивок, подаваемых как «совершенно секретные» документы, якобы до сих пор скрываемые «официальными» историками в недрах архивов¹⁰.

Еще одним приемом фальсификации можно считать выстраивание ложных причинно-следственных связей путем произвольного вырывания каких-то фактов из сложного исторического контекста. Например, приписывание советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. решающего значения с точки зрения обстоятельств развязывания Второй мировой войны основано на рассмотрении факта его подписания не как одного из звеньев причинно-следственной цепи, а изолированно, вне связи с Мюнхенскими соглашениями 1938 г. и другими предшествующими событиями. Произвольно разрывая ткань исторического повествования, непосредственное изложение обстоятельств развязывания Второй мировой войны начинают с 1939 г.; события предшествующего периода, в первую очередь Мюнхенский сговор, опускаются. В результате в общественном сознании утверждается мысль об отсутствии связи между Мюнхенскими соглашениями и началом Второй мировой войны.

К числу способов фальсификации следует также отнести введение без должного научного обоснования новых понятий. Например, в современной российской исторической литературе происходит постепенное утверждение термина «Ржевская битва» для обозначения сражений 1942–1943 гг., которые вели войска Западного и Калининского фронтов против немецкой группы армий «Центр». Собственно, с художественной точки зрения можно образно назвать битвой и столкновение двух взводов. Однако в последнее время усилиями ряда авторов сражениям в районе Ржевского выступа приписывается самостоятельное значение, предпринимаются попытки отделить «Ржевскую битву» от Московской и Сталинградской и поставить ее в один ряд с ними. Наиболее последовательно данная точка зрения высказывается региональными исследователями, краеведами г. Ржева — Кондратьевым и Герасимовой. Их старания ведут к тому, что постепенно термин Ржевская битва закрепляется в общественном сознании и входит составной частью в военно-исторические исследования, о чем свидетельствует создание тематической экспозиции в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, появление статей в интернет-энциклопедиях, создание документальных фильмов, в основу сценария которых положено соответствующее осмысление темы (показанный 23 февраля 2009 г. фильм А. Пивоварова, вызвавший оживленную дис-

куссию в СМИ). Внедрение термина Ржевская битва происходит без полемики на военно-теоретическом уровне, где понятия «битва», «сражение», «бой» имеют вполне определенный смысл, и решает, как представляется, исключительно идеологические задачи: навязать общественному сознанию образ «Ржевской мясорубки» как символа бездарности советского командования и его пренебрежения к сбережению жизни солдат, единственной битвы Великой Отечественной войны, в которой Красная Армия якобы не смогла одержать решительной победы.

Помимо вышеизложенного, можно обратить внимание на манипуляции вокруг исторического значения отдельных событий или личностей. Примером является современная историографическая судьба генерала А. Власова, который, вопреки своей реальной роли марионетки спецслужб Третьего рейха, усилиями ряда публицистов и историков из третьестепенной фигуры сегодня чуть ли не превращен в одного из ведущих деятелей российской истории XX века. Авторы учебников и пособий считают необходимым помещать рассказы о Власове (и его фотографии) наряду с рассказами о Ленине, Сталине, Жукове и т. д. В частности, материалы о Власове представлены среди биографий «людей, внесших заметный вклад в историю своей страны», в учебном пособии М. Н. Черновой «Люди и судьбы. Россия — XX век». Собственно, история Великой Отечественной войны в этом пособии представлена всего двумя биографическими очерками — Г. К. Жукова и Власова (биографии Сталина, Ворошилова и Буденного включены в него вне связи с войной). При этом характерно, что история Власова и его «армии» подается здесь в русле современных ревизионистских представлений: рассматривая «сталинизм как наипугающее, что было за всю российскую историю», Власов в борьбе с этим игром «решил использовать немцев»¹¹.

Широкие возможности для выдвигания псевдонаучных версий скрываются за попытками свести объяснение к субъективному фактору — намерениям, замыслам, мотивам отдельных лиц, — поскольку таят опасность подмены объяснения суждениями оценочного характера. Приписав историческому деятелю некоторую совокупность личностных черт (и, соответственно, определив свое, положительное или отрицательное, к ним отношение), фальсификатор начинает выстраивать на этой основе объяснение мотивов тех или иных его действий или поступков. Затем эти психические феномены: намерения, чувства, эмоциональные переживания — вставляются в описание реально происходившей в физическом мире цепочки событий. Например, И. В. Сталину приписываются некоторые намерения, а затем, исходя из них, как из факта, выстраиваются фантастические причинно-следственные связи. Именно так выглядит ситуация с теми публицистами, кто считает возможным обвинять советское руководство в сознательном содействии развязыванию Второй мировой войны

исходя из желания «раздуть революционный пожар в Европе», или же пытается обосновать тезис о подготовке Советским Союзом нападения на Германию на основе общих рассуждений о верности И. В. Сталина «ленинскому завету» сокрушить капитализм военным путем¹².

Наконец, в этом же ряду следует рассматривать ведущуюся с конца 1980-х гг. кампанию по «демифологизации» истории, целью которой является подрыв символов социальной памяти. Примером может служить попытка поставить под сомнение достоверность ряда хрестоматийных фактов, в первую очередь связанных с подвигами Н. Гастелло, З. Космодемьянской, 28-ми героев-панфиловцев, А. Матросова и др. Так, в ходе поисков места предполагаемой гибели экипажа Н. Ф. Гастелло было высказано предположение, что известный всем подвиг совершил экипаж другого бомбардировщика под командованием капитана Маслова, чья могила была обнаружена на месте знаменитого «огненного тарана». С точки зрения историка, это не может служить основанием для того, чтобы поставить под сомнение каноническую версию¹³. Но это и не главное. История существует как бы в двух измерениях: с одной стороны, как некое объективное знание о прошлом, добыванием которого занимаются профессионалы-историки, и с другой стороны — как память народа, коллективный миф, в котором воплощаются народные идеалы и представления о высоком и низком, прекрасном и безобразном, героическом и трагическом. Существование такого мифа нисколько не противоречит тому, что можно назвать «правдой истории». С точки зрения народной памяти, не имеет серьезного значения, чей именно самолет разбился на шоссе под Минском 26 июня 1941 г. Сохраняя в своей памяти подвиг Гастелло и его экипажа, мы чтим в его лице десятки, сотни подлинных героев войны, чьи имена нам, быть может, и неизвестны. С этой точки зрения миф о подвиге Гастелло — правда более высокого уровня, чем правда отдельно взятого факта.

«Горькая» правда, которой непременно потчуют обывателя накануне и в дни празднования 9 Мая, в течение уже ряда лет непременно подразумевает рассказы о «зверствах» советских военнослужащих в побежденной Германии. Сам факт того, что военнослужащими советской и других союзных армий совершались убийства, грабежи, насилия над женщинами, никто из историков не отрицает. В нашей стране опубликованы документы, содержание которых не оставляет сомнений: неизбежные спутники любой войны, преступления против мирных жителей имели место. Проблемы связаны с интерпретацией этих фактов, оценками и выводами, которые делаются на их основе. Мы постоянно сталкиваемся с нарочитым стремлением ряда авторов к обличению именно воинов Красной Армии, благодаря чему создается впечатление, что бесчинства в отношении мирных жителей — чуть ли характерная черта

поведения советских военнослужащих, объяснить которую можно лишь ссылками на искалеченные «сталинским тоталитаризмом» души или особое «азиатское варварство». Именно так подается эта проблема в книге британского историка Э. Бивора, по логике которого символом советской армии-освободительницы должен был стать солдат с горящим факелом, выбирающий себе жертву среди укрывшихся в темном бункере немецких женщин. В качестве иллюстрации приводится один, два, три, десять почерпнутых из источников фактов. Но правомерно ли подавать их как проявление чего-то особенного, исключительного, характеризующего поведение в первую очередь советских военнослужащих? Нетрудно убедиться, что в западных зонах оккупации командованию американской армии также приходилось прилагать усилия для предотвращения и пресечения бесчинств своих военнослужащих в отношении мирного населения. Конечно, общей картины составить нельзя: имеющиеся в литературе данные фрагментарны, однако при должном рвении можно подобрать несколько криминальных эпизодов с участием американских военных и нарисовать для обывателя ужасающую картину вакханалии насилия, захлестнувшей американскую зону оккупации. В добросовестном историческом исследовании использование такого метода противопоказано, а в пропаганде — почему бы и нет?

На основе «клиповой» подборки образов современные русофобствующие идеологи делают выводы, лживые от начала и до конца. Известный публицист М. Солонин, например, заявляет: «Сталин принял решение изгнать немцев... Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами... бежали, ползли на запад»¹⁴. Эту «гипотезу» нельзя подкрепить документальными доказательствами: таких документов нет. Напротив, существуют другие документы за подписью Сталина: например, директива Ставки ВГК от 20 апреля 1945 г., в которой содержался приказ «изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше». На основании этого приказа были приняты меры для предупреждения бесчинств в отношении мирного населения. Документы военных советов фронтов и армий свидетельствуют, что наряду с разъяснительной работой в частях советское командование широко использовало и карательные меры, виновные привлекались к ответственности. Добросовестный ученый мог бы сравнить, сопоставить содержание приказов гитлеровцев, провоцировавших и прямо предписывавших бесчеловечное отношение солдат вермахта к советским людям, и приказы советского командования. Но это, по-видимому, «солониным» неинтересно.

Признание научного результата научным сообществом (как в физике, так и в истории) является важным показателем его корректности

и обоснованности. Наука — саморегулирующаяся система, и любая подделка рано или поздно будет разоблачена. Историки и астрономы достаточно быстро показали несостоятельность «новой хронологии» А. Фоменко, основанной на примитивном подлоге — произвольной выборке всего 8 звезд из 1022, чьи координаты приведены в каталоге Птолемея «Альмагест»¹⁵. Специалисты полагают, что Фоменко первоначально отобрал именно те звезды, широты (угловые расстояния от небесного экватора) которых, измеренные в древности недостаточно точно, позволяли построить теорию о более позднем создании каталога, а затем придумал обоснования для исключения из рассмотрения остальных¹⁶. Аналогичным образом обстояло дело с наиболее ярким фальсификаторским проектом в области истории Второй мировой войны — «версией» В. Суворова-Резуна: историки взвесили его аргументы и признали их ничего не стоящими.

Именно поэтому зубодробительная и громкая критика «казенной» или «официальной» науки оказывается необходимой составной частью любой псевдонаучной концепции, не имеющей возможности конкурировать со специалистами в рамках общепринятого в науке дискурса. Нетрудно заметить, что основные усилия сторонников «альтернативных» версий истории носят своего рода маркетинговый характер, т. е. направлены на продвижение и пропаганду своих идей в средствах массовой информации, поскольку доступ на страницы рецензируемых научных журналов или в академические конференц-залы для них сопряжен со значительными трудностями или попросту закрыт.

«Переосмысление» истории Второй мировой войны в настоящее время существует главным образом как проект, реализуемый средствами, характерными для пропаганды или рекламного бизнеса. Ярким примером может служить издание сборника документов под названием «Фашистский меч ковался в СССР»¹⁷. Несмотря на усилия авторов предисловия, Ю. Дьякова и Т. Бушуевой, обвинить «сталинизм» в ремилитаризации Германии, содержание сборника никоим образом не соответствует его названию; более того, непредвзятый анализ собранных там документов приводит к совершенно противоположному выводу — немецкие специалисты в 1920-х гг. помогли создать в нашей стране базу для танковой и авиационной промышленности¹⁸. Материалов же, указывающих на содействие Советского Союза Гитлеру и НСДАП, в книге вообще нет. Это не мешает «резунистам», однако, регулярно ссылаться на материалы этого сборника для придания убедительности идее о том, что Сталин содействовал приходу «ледокола революции» — Гитлера — к власти и развязыванию им Второй мировой войны. Расчет, очевидно, строится на том, что большинство читателей не станут разыскивать изданный довольно давно сборник и удовлетворятся «говорящим» названием.

После того, как «ледокольная» концепция была отвергнута научным сообществом, а авторитет «бренда» В. Суворова в глазах читающей публики был в значительной степени поколеблен, внедрение ее в общественное сознание осуществлялось путем «клонирования», а именно публикации сочинений, авторы которых (В. Бешанов, М. Солонин, В. Кольковский, В. Плешаков) повторяли и развивали основные «идеи» В. Суворова. В результате как сам Резун-Суворов, так и его популяризаторы (например, Д. Хмельницкий) в настоящее время имеют возможность заявлять, что «независимых» историков, способных «непредвзято» взглянуть на историю войны, становится в России все больше, а взгляды «а-ля Суворов» получают все более широкое признание в научном мире. Аналогичную задачу решает издательский проект ООО «Яуза-пресс», в рамках которого опубликована серия книг под общим названием «Правда Виктора Суворова» («Правда Виктора Суворова-1», «Правда Виктора Суворова-2» и т. д.), включающих наряду с апологетической публицистикой ряд статей российских и зарубежных историков (написанных в разное время и попросту перепечатанных здесь), материалы которых могут якобы подтвердить правоту Резуна. С другой стороны, публикуется серия книг под названием «Неправда Виктора Суворова», где представлены работы его критиков. Таким образом, создается впечатление, что «дискуссия продолжается», и вокруг выдвинутых Резуном тезисов до сих пор ведется научная полемика; между тем борьба ведется исключительно в сфере общественного сознания — за влияние на умы далеких от исторической науки людей, в первую очередь молодежи.

Постоянные претензии ревизионистов к «официальной науке», поставленной якобы современным российским государством «на службу» патристическому воспитанию, жалобы на невозможность свободного научного поиска в атмосфере «нарастающей волны лжи»¹⁹ являются составной частью этой борьбы. Логика понятна: без подрыва доверия к науке и ее представителям рассчитывать на успех внедрения в общественное сознание мифологизированных псевдонаучных представлений и навязать соответствующие идеологические предпочтения крайне трудно.

Поэтому историки, популяризаторы науки, публицисты должны поставить преграду на пути потока лжи о нашем прошлом — потока, который вот уже два десятилетия изливают на людей средства массовой информации. Перед профессиональными историками и методологами истории стоит задача выработки четких критериев научности, которые помогли бы людям отличить добросовестную работу историка от фальшивки, сочиненной сторонником очередной «нетрадиционной версии» и, в конечном счете, отстоять за историей статус науки, не позволив средствам массовой информации создать в обществе обратное впечатление.

- ¹ http://text.document.kremlin.ru/SESSION/S__hSOZQkat/PILOT/main.html
- ² См.: В защиту науки; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. М.: Наука, 2006–2009. Бюллетень № 1–5.
- ³ Аджи (Аджиев) М. Европа, тюрки, Великая степь. М., 1998. С. 128–129.
- ⁴ Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. М., 2009. С. 17.
- ⁵ Носовский Г., Фоменко А. Библейская Русь. Русско-ордынская империя и Библия. В 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 570.
- ⁶ См., напр.: Володихин Д. М. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005. С. 12–104.
- ⁷ Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008. С. 67–68.
- ⁸ Помогайбо А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М.: Вече, 2002; Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Исаев А. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004; Суворов В. Ледокол 2. М., 2003; Веселов В. Новый антиСуворов. М., 2009; Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008; и др.
- ⁹ См.: Случ С. З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.
- ¹⁰ См.: Дюков А. «The Soviet Story»: Механизм лжи. 2-е изд. М., 2008. С. 20–25.
- ¹¹ Подробнее см.: Никифоров Ю. А. Лавровая петля генерал-лейтенанта А. Власова // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 3–7.
- ¹² См, напр., критику тезисов С. З. Случа германским историком Б. Бонвечем в предисловии к сборнику документов «Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941» (М., 2009. С. 17). «Тезисы подобных авторов (т. е., С. З. Случа. — Ю. Н.) представляют собой никоим образом не обязательную модель интерпретации мышления и побудительных мотивов Сталина. — Пишет Б. Бонвеч. — Отдельные его действия подгоняются исследователями под эту модель. Из самих же действий модель никак не явствует».
- ¹³ См.: Бабусенко Г. Д. Гастелло и Маслов: новое об известном // Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Вып. 1. Минск, 1999. С. 8–19.
- ¹⁴ Солонин М. Весна Победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина. <http://www.solonin.org/full.php?show=content&id=212&type=stat>
- ¹⁵ См.: Астрономия против «новой хронологии». М., 2001.
- ¹⁶ Ефремов Ю. Н. Календарь, хронология и лженаука // В защиту науки. М., 2007. Бюлл. № 2. С. 108.
- ¹⁷ Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992.
- ¹⁸ См., напр.: Байков А. Военно-промышленное сотрудничество СССР и Германии — кто ковал советский меч? // Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008. С. 220–304; Пыхалов И. Великая обманная война. М., 2005. Гл. 1. С. 9–42.
- ¹⁹ Эта позиция регулярно озвучивается на страницах журнала «Посев», см.: Цурганов Ю. Как читать постсоветских историков? // Посев. 2004. № 6; См. также: Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008.